

Предпосылки и механизмы формирования социальной конфликтности в инновационной деятельности

Prerequisites and mechanisms for the formation of social conflict in innovation activity

Иванова В.Н.

Специалист по кадровой работе Общества с ограниченной ответственностью «Металлургпроект», г. Москва
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Ivanova V.N.

HR Specialist of the Limited Liability Company "Metallurgproekt", Moscow
e-mail: vn_ivanova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам конфликтности в социальных отношениях, возникающих в различных сферах человеческого общения, в частности в инновационной деятельности в рамках экономики совместного потребления. Выдвинут постулат о компенсации психической дезадаптации личности через ее социальное доминирование. Рассмотрены причины такой дезадаптации, ее формы, а также истоки ее возникновения. На основе эмпирического анализа юношеских и производственных биографий представителей послевоенного поколения, формирование личностей которых протекало в сходных общественных условиях, но при различных особенностях семейного воспитания, выявлены закономерности проявления тенденций к социальному доминированию. Предлагаются управленческие подходы к формированию творческих групп, занимающихся инновационной деятельностью с целью минимизации созависимости между членами таких групп и активизации индивидуальности в них за счет устранения социального доминирования и вовлечения в инновационный творческий процесс членов группы с различными психическими дисбалансами.

Ключевые слова: социальные отношения; инновационная деятельность; психическая дезадаптация; социальное доминирование; социальные конфликты; компенсация; постулирование; инклюзия; формирование личности; кадровые стратегии; экономика совместного потребления; эмпирический анализ.

Abstract

The article is devoted to the issues of conflict in social relations that arise in various spheres of human communication, in particular in innovative activities within the framework of the economy of shared consumption. The postulate of compensation for mental maladaptation of the individual through its social dominance is put forward. The reasons for such maladaptation, its forms, as well as the origins of its occurrence are

considered. On the basis of an empirical analysis of the youth and industrial biographies of representatives of the post-war generation, the formation of whose personalities took place in similar social conditions, but with different features of family education, the patterns of manifestation of tendencies to social dominance are revealed. Management approaches to the formation of creative groups engaged in innovative activities are proposed in order to minimize codependency between the members of such groups and activate individuality in them by eliminating social dominance and involving group members with various mental imbalances in the innovative creative process.

Keywords: social relations; innovative activity; mental maladjustment; social domination; social conflicts; compensation; postulation, inclusion; personality formation; personnel strategies; the economy of sharing; empirical analysis.

Принципы ведения хозяйства, используемые в экономике совместного потребления (ЭСП), способствуют укреплению горизонтальных связей в обществе, что в свою очередь, позволяет людям оптимизировать потребительские расходы и существенно повысить качество жизни [16]. Кроме того, развитие ЭСП в России способствует решению стратегических задач, зафиксированных в «майском указе» Президента, поскольку дает возможность более эффективно использовать имеющиеся ресурсы (имущества, денег, времени) в рамках более тесных, направленных социальных взаимодействий [4]. Но при этом не стоит забывать, что на данный момент, исходя из принципов государственного регулирования, ЭСП находится в «серой зоне». Свойством сообществ, используемых ЭСП, присуща способность к саморегуляции через социальный самоконтроль и общественно установленную систему социальных санкций. Эти свойства являются более действенными и эффективными, чем те, что обеспечиваются авторитетом и аппаратом принуждения государства. Они повышают социальное взаимодействие, которое основано на доверии, социальном капитале и коллективной эффективности. Но в то же время естественно способствуют возвращению почвы для потенциальных социальных конфликтов. И более того, чем больше ЭСП будет проникать в общественную жизнь, тем больше традиционных социальных институтов будет вступать с ней в противоречие. Все указанные особенности ЭСП однозначно указывают на необходимость анализа социальных отношений внутри ЭСП, как сферы деятельности, в основе которой лежат именно системные социальные инновации, а успешность же их реализации во многом определяет успешность преодоления системного экономического кризиса в нашей стране и в мире в целом. И в качестве первоочередной задачи здесь следует выявить истоки возникновения типовых видов конфликтности в социальных отношениях. Именно этой проблеме и посвящено настоящее исследование.

Инновационная деятельность, как деятельность, направленная на создание нового знания, предполагает, как правило, работу коллективов творческих личностей. При этом предполагается, что каждая вовлеченная в такой коллектив личность обладает своей неповторимой индивидуальностью, которая, в свою очередь, и предопределяет инновационный результат работы всего коллектива. Эта самая индивидуальность является продуктом воздействия на личность в процессе ее формирования, да и на всем протяжении ее жизни, прямых социальных связей. *«Специфика таких связей, которые в основном относятся к отрицательному виду, состоит в том, что, с одной стороны, они являются тормозом для выстраивания творческой атмосферы в научном коллективе, а с другой — именно они, точнее их разнообразие, определяют спектр индивидуальных творческих начал в психике отдельного индивида»* [5, с. 234].

Кроме того, надо иметь в виду, что «...стрессы и неприятности по жизни как раз и дают возможность развиваться ассоциативному мышлению. Эти невзгоды, негодования, переживания и возмущения — обязательные атрибуты полноценного жизненного опыта» [5, с. 240]. Отсюда и появляется дилемма: кого предпочтительнее иметь в составе творческого коллектива инноваторов — индивидуумов с богатым жизненным опытом, развитым ассоциативным воображением, но неизбежно при этом с тяжелым характером, или же — индивидуумов с большими коммуникационными возможностями, но с не «отягощенным» стрессами прошлым социальным опытом. При этом здесь надо еще и иметь в виду, что согласно концепции инклюзивного развития, основы которой изложены в Итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио+20), проходившей в Рио-де-Жанейро 20-22 июня 2012 г. [1, с. 9], в РФ следует всемерно развивать доступность к новым возможностям и благам всем группам и слоям населения на основе развития людских ресурсов и активной политике в сфере занятости. При этом базис для такой доступности, в частности, должен лежать в рамках модели инновационного развития и, в первую очередь, на интеллектуальной его основе [12]. Поэтому сам собой напрашивается и ответ по указанной дилемме на основе социальных критериев — индивидуумы в творческом коллективе должны быть из обеих указанных категорий. Но и с точки зрения экономических критериев ответ будет таким же — диверсификация активов, в том числе в виде кадровых ресурсов, — на сегодня является управленческой научной классикой.

Но тут же возникает и новая проблема — в первую очередь, как разрешать возможные при такой разнородной структуре творческого коллектива социальные конфликты, а, во вторую очередь, — каковы возможные причины и истоки таких конфликтов. Ниже мы как раз и остановимся именно на последней проблеме — истоков и неизбежности социальных конфликтов в творческих коллективах. Для этого обратимся к недавнему российскому прошлому.

О серьезных нарушениях психического здоровья населения стран в связи с масштабными социальными катаклизмами известно давно. Но в последнее время появилась особая группа так называемых социально-стрессовых расстройств (ССР), возникающих под воздействием важных для большинства людей экономической и политической ситуаций [2]. Так, у многих россиян в условиях социальных изменений в постсоциалистическом обществе в последующие годы развились состояния психической дезадаптации (растерянности, тревожности), невротические и психосоматические расстройства. Опыт лечения показал, что это пограничные состояния. При этом пограничные состояния в основном — это не начальные или промежуточные стадии психозов. Они представляют собой группу болезненных проявлений, у которых есть свое начало, течение и исход. По данным статистики, число лиц с предболезненными и сформировавшимися психическими расстройствами в России достигало к 2008 г. 10 миллионов. Для этого контингента в большинстве случаев нет оснований ставить психиатрический диагноз, но и о полном психическом здоровье говорить в данном случае не приходится. Опыт свидетельствует, что у людей с социально-стрессовыми нарушениями вырабатываются определенные механизмы, защищающие от болезненного осознания крушения его-идеалов. Для россиян в условиях постперестройки выявлено три основных защитных механизма, которые в основном касаются замещения ощущений восприятия окружающего мира на те, или иные их суррогаты. В общем же случае, как указывает дочь З. Фрейда — Анна [7], их может быть до 13 видов. Характерно, что защитные механизмы реализуются в данном случае «внутри» индивидуума, психогенно, в его психике, а во внешнюю среду «выходят» только вторичные признаки, например, в виде

социального протеста. При этом изменившиеся условия жизни крайне затрудняют социальные взаимоотношения людей на производстве и адекватное использование ими своих знаний. Реальный инструмент помощи таким людям, раскачивающимся между предболезнью и болезнью – психотерапия или применение антидепрессантов и успокаивающей лекарственной терапии. Для нашего исследования приведенный выше опыт диагностики и лечения ССР позволяет выстроить новые модели дезадаптационных механизмов и их проявлений в несколько других обстоятельствах, в частности, в условиях формирования личности подростков. У последних также появляются ССР. При этом они появляются практически у каждого подростка. В отличие от внешних масштабных социальных катаклизмов, что были отмечены выше, у подростков, да и вообще у детей, происходят рассогласования поведенческих траекторий и внешних социальных условий не по причине изменений последних, а, наоборот – по причине изменений самих личностных поведенческих траекторий. Здесь мы воспользуемся методологическим подходом, успешно примененным ранее З. Фрейдом в психоанализе [8]. А именно – постулированием существования конкретного механизма, в частности, механизма взаимосвязи процессов в психике человека и процессов в социальных отношениях и в дальнейшем – эмпирическим обоснованием этого механизма.

Хотя внешний мир, окружающий подростка, не успевает быстро меняться, его же собственное развитие вносит много изменений в его взаимодействия с этим миром. Происходят в итоге те самые ССР. Но, как правило, они не приводят к пограничным психическим расстройствам, так как семья подростка выступает в роли успешного психотерапевта и полностью эти расстройства компенсирует. Однако все это относится к успешным семьям, под которыми понимаются семьи полные и заведомо счастливые. В противных случаях (а их не так уж и мало) реализуются опять же механизмы компенсации и защиты. В частности, семьи, в которых матери не работают, относятся, как правило, к неблагополучным семьям, поскольку: «По итогам исследований, примерно 2/3 домохозяйек не чувствуют себя счастливыми. Это те случаи, когда под влиянием обстоятельств, общественного мнения или заблуждений, они отказались от учебы и карьеры...» [14]. В современных условиях к неблагополучным семьям все больше и больше можно относить и семьи, в которых цифровизация всей социально-экономической сферы общества затрагивает и деформирует собственно семейные отношения [6]. В таких семьях ее члены становятся разобщенными, в них не удается реализовать механизмы психотерапевтической компенсации психической дезадаптации детей, особенно в подростковом возрасте. Именно поэтому в таких семьях у подростков также наблюдаются эффекты социального доминирования с целью компенсации психозов на почве расхождения динамики социальных их траекторий с реалиями достаточно стабильной окружающей среды. Ниже рассмотрим формы такого социального доминирования.

Сферы реализации таких механизмов уже совершенно другие, нежели у взрослых людей. Это уже сферы не психогенные, внутренние, а социальные, т.е. внешние, реализуемые в рамках сугубо социальных отношений. Поскольку психика подростка достаточно гибкая, а окружающая его социальная среда – адекватна ему самому, т.е. тоже гибкая, то он в виде защитного механизма выбирает собственное поведение, соответствующее понятию социального доминирования [17]. В результате такого доминирования он пытается - и самоутвердиться, и выстроить единый алгоритм своего поведения, и, главное, реализовать замещение психотерапии в отношении себя со стороны семьи, аналогичной психотерапией со стороны своих же сверстников и частично взрослых. То есть он здесь как бы реализует свой локальный проект социальных

инноваций. Однако формы такого доминирования бывают различные. Так, детальный анализ производственных и бытовых биографий, а также и взаимоотношений на протяжении более 60 лет выпускников 1965 г. двух параллельных классов одной из средних школ г. Ярославля [3; 9] выявил шесть таких возможных формы социального доминирования, в частности:

а) *идеологическое* - доминирование через навязывание в среде подростков определенной идеологии (идеологии различных хобби, бравирования правонарушениями, определенного стиля в одежде, идеологии поведенческого эстетизма);

б) *иерархическое* – доминирование через выстраивание иерархической структуры в малом сообществе сверстников (секретарь комсомольской ячейки, отличник в учебе, лидер и «заводи́ла»);

в) *манипуляционное* – доминирование через навязывание ролевых игр сверстникам (демонстративная физическая и моральная травля слабых, втягивание в длительные выслушивание исповеди о своей жизни);

г) *эмоциональное* – доминирование через вовлечение сверстников в зрелищные мероприятия (рассказывание анекдотов, исполнение сценок, личные выступления в самодеятельности);

д) *информационное* – доминирование через демонстрирование владением большими объемами информации (подменяя этим обычную сообразительность);

е) *гендерное* – доминирование через подавление «права голоса» со стороны сверстника другого пола.

Следует учесть, что опыт такого доминирования закрепляется в психике подростка и впоследствии воспроизводится в зрелом возрасте в виде различных форм авторитаризма [10; 15], как в отношении его же семьи, так и в отношении его коллег по работе. Однако социальное доминирование в юношеском возрасте и последующие его проявления во взрослой трудовой деятельности индивида, хоть и является далеко не исключением, а больше типичным случаем взросления, отнюдь не единственный сценарий формирования личности. Тем подросткам, которые вырастают в благополучных семьях, абсолютно не знакомой любой из типов социального доминирования - ни в юношестве, ни во взрослой жизни. Но одновременно таким индивидам бывает труднее конкурировать с индивидами, заранее отточившими навыки доминирования, в занятии руководящих постов в той либо иной хозяйственной структуре. И здесь уже срабатывает селективный отбор со стороны различного рода бескорыстных покровителей. Последние часто бывают более заинтересованы в психически уравновешенных сотрудниках, без комплексов и карьерных амбиций. Именно их пытаются начальники с кругозором и собственным карьерным потенциалом взять к себе в партнеры и помощники. Из последних, при благоприятной ситуации с поддержкой «сверху» - впоследствии выходят успешные формальные лидеры. Если же такой поддержки не оказывается по жизни – юноши из благополучных семей чаще всего оказываются неформальными лидерами в их трудовом коллективе, но и только. Чаще же всего в коллективе оказывается формальным лидером индивид из неблагополучной семьи, с обширным опытом социального доминирования в подростковом возрасте. На рис. 1 представлена постулированная и описанная выше логика формирования формальных и неформальных лидеров в виде последовательности жизненных этапов развития личности.

Рис. 1. Схема формирования лидера в инновационной деятельности

Ниже сделана попытка эмпирически обосновать выдвинутый постулат о компенсации юношеской психической дезадаптации через социальное доминирование в различных формах его проявления, а также – попытка описать и систематизировать личностные и производственные биографии носителей всего спектра форм такого доминирования.

Начнем с наиболее яркого представителя выпуска 1965 г. школы № 4 г. Ярославля мужского пола. Назовем условно его Игнатом. Он всегда был, как говорится «на виду» и во время учебы в школе, во время учебы в институте, во время трудовой деятельности и даже не потерял свою популярность и востребованность в пенсионном возрасте. На первый взгляд Игнат рос во вполне

благополучной семье с приличным достатком. Отец – партийный работник, член областного комитета КПСС, главный редактор областной партийной газеты. Мать не работала, занимаясь семьей, в которой, кроме Игната, был еще его старший лет на шесть брат. Жила семья в престижном районе рядом с набережной реки Волги, в так называемом «обкомовском доме». Один из предков отца Игната, по фамилии Фомин, в позапрошлом веке держал цветочный магазин на Тверской в Москве. Этот тот самый цветочный магазин, который фигурирует в романе Л. Толстого «Анна Каренина», и в который один из главных героев, Константин Левин, по ходу действия романа заходит за цветами для своей невесты, а впоследствии и жены, – Екатерины Щербацкой (Кити).

Тогдашний владелец магазина, Фомин, по воспоминаниям отца Игната, имел почетное звание «Поставщика Двора его Императорского Величества». Сам отец Игната рос в очень бедной семье. Уже в 13 лет, перед Первой мировой войной он начал работать подсобным рабочим в подвальных складах теперешнего магазина ГУМ на Красной площади. Формального высшего образования он, как и его жена, мать Игната, не получил. Познакомились будущие родители Игната, работая оба на московском заводе «Динамо» еще до Великой Отечественной войны (ВОВ). Во время ВОВ и несколько лет позднее отец Игната работал главным редактором республиканской партийной газеты «Казахстанская правда», жил он с семьей в г. Алма-Ате. В те времена первым секретарем Компартии Казахстана был Л.И. Брежнев. Отец Игната, естественно, был с ним знаком. В соседней квартире у них в доме в Алма-Ате жил казахский советский поэт-акын Джамбул Джабаев. Пока что со стороны, кажется, что детство Игната должно было проходить в счастливой и благополучной семье. Но взглянем на эту семью с немного другой стороны. Первым звончком, который мог бы услышать посторонний наблюдатель, был домашний совет о том, куда переезжать на работу отцу после того, как в начале 50-ых годов русские кадры на ключевых партийным, хозяйственных и научных местах начали замещаться местными национальными кадрами. Отцу Игната было предложено два варианта: либо работа в Москве заведующим отделом в Литературной газете (без перспектив на главного редактора) либо работа главным редактором партийной газеты «Северный рабочий» в Ярославле. И тут-то решающее слово оказалось за женой – матерью Игната. Она решила, что быть женой «первого парня на деревне лучше, чем последнего в городе». И семья переехала в Ярославль. Других аргументов не рассматривалось. Ни интересы мужа как коренного москвича (мать же Игната была родом из одной из рязанских деревень), ни перспективы для детей – не были учтены и даже не обсуждались. Родители школьников, учившихся в одном классе с Игнатом, возвращаясь по домам после очередного родительского собрания в школе, отмечали «острый язычок» у матери Игната, и предполагали, что это результат ее работы на каком-либо руководящем посту. Но дело было проще – мать Игната была самой обыкновенной дворовой сплетницей, при этом злой и очень завистливой. И, естественно, по своему несчастной по жизни. Да и, какая это могла быть жизнь – жизнь домохозяйки в семье партийного пропагандиста в провинциальном городе. Одна ее фраза, брошенная дома в присутствии школьного коллеги Игната уже говорит о многом. А дело было так. Одни из одноклассников Игната, назовем его Сергей, с которым он одно время тесно общался и дружил, показал Игнату, у себя дома колечко, что мать Сергея привезла из Индии, где она с мужем строила в свое время металлургический завод в Бхилаи. Колечко было с изящно обрамленным черным крупным камнем, обычно не использовавшимся в СССР в ювелирных изделиях. Мать Игната, услышав от Игната восторженный отзыв об этом колечке, заявила: *«Они из Индии, наверное, черта привезли, который им деньги делает»*. По одному только этому замечанию

можно предположить, чему вообще могла мать Игната его научить и что ему привить.

Ну, а что же отец Игната? Как он участвовал в воспитании сына, точнее двух сыновей? А, оказывается, фактически никак и не участвовал. Вот несколько эпизодов в качестве аргументации последнего нашего замечания. Все, о чем упоминал Игнат в отношении советов и наставлений ему от своего отца – было лишь наставлении ни в коем случае не ограничивать свою жизнь партийной либо комсомольской работой. Он говорил: «Сначала *ремесло*, а уж потом все остальное». Под всем остальным он имел ввиду именно партийную работу. Из этого следует, что отец Игната свою работу партийного пропагандиста в чине главного редактора областной партийной газеты – недолюбливал. А может и просто не любил и ею тяготился. И это немудрено, так как мало кому придется по душе практически ежедневно «наступать себе на горло», как говорят партийные функционеры, когда приходится идти против и воли своей, и своей же совести. Попросту отец Игната страдал от навязываемого его работой лицемерия, и лицемерия не только по отношению к читателям его же газеты, но и, неизбежно, лицемерия по отношению к собственному трудовому коллективу – коллективу самой редакции, типографии. Такое лицемерие могло быть и осознанным, а могло проявляться лишь на подсознательном уровне у отца Игната. Но для читателей газеты, и для работников редакции осознание такого лицемерия не вызывало, видимо, сомнений. И в последнем трудно усомниться, если напомнить, что когда после смерти отца Игнат, будучи и материально обеспеченным, и на виду всего города как директор ведущего в городе проектного института, решил организовать у себя дома вечер памяти своего отца как главного редактора областной газеты, то из этого просто ничего не получилось. Игнат всех еще здравствующих бывших сотрудников, что работали с его отцом, оповести, всех пригласил (человек восемь-десять), организовал банкетный стол. Даже подготовил и смонтировал небольшое документальное кино у себя дома с помощью кинопроектора о работе редакции их газеты (тогда еще видеозэкранов не было – была просто перфорированная пленка и кинопроектор). Все приглашенные пообещали прийти. Но... не пришел никто! И никто даже не извинился потом. Комментировать что-либо здесь далее трудно.

То, что в семье Игната не все было благополучно, говорит и такая деталь. Его старший брат, родившийся в Алма-Ате еще до войны, уже в школьном возрасте часто впадал в истерику и уходил из дома, мотивируя это тем, что его в семье никто не любит, а все внимание уделяется младшему сыну – т.е. тому же Игнату. Это следует рассматривать не как различия в воспитании двух братьев, которое вызывало у старшего приступы ревности, а как отсутствие вообще какого-либо адекватного воспитания, основанного на семейном счастье и любви. Родители Игната, в соответствии с вышеизложенными аргументами по-своему были обделены ощущением счастья и, поэтому не могли подобные ощущения передать своим сыновьям. А без такого ощущения этапы взросления в подростковом возрасте, которым неизбежно сопутствует психическая дезадаптация из-за динамики изменения воспринимаемого подростком окружающего его мира, нет возможности подростку компенсировать эту дезадаптацию психотерапевтическим воздействием через счастливые семейные отношения. Как и самому Игнату, его старшему брату также пришлось воспользоваться социальным доминированием для указанной компенсации. Но ему самому особых усилий для этого не требовалось. Доминировать через восхищение окружающих его сверстников ему легко удавалось вследствие незаурядной внешности. Высокий брюнет с голубыми глазами, правильными чертами лица, мягким характером и с волнистой шевелюрой – всегда обращал на

себя внимание окружающих. Игнат тоже был внешне интересным, но немного менее харизматичным, чем его старший брат. В них обоих чувствовалась порода, заложенная поколениями. Их мать даже в солидном возрасте оставалась внешне привлекательной женщиной, а отец-то уж даже в старости напоминал голливудского киногероя. Мать Игната неоднократно отмечала, что его старший сын был копией знаменитого американского пианиста Вана Клиберна. И это была сущая правда. А вот то, что она сама о себе отзывалась с бравадой как о незаконной дочери (либо внучки) местного рязанского помещика – тут еще можно посомневаться. Но сам факт подобной постановки уже говорит о болезненном ее отношении к своему происхождению. При этом она всегда твердила, что ее таких красивых сыновей наверняка погубят девицы, а поэтому постоянно вмешивалась во все их отношения с подругами и впоследствии с женами. В школе брат Игната учился плохо, после ее окончания устроился простым рабочим на Ярославский шинный завод на тяжелые работы. Потом он как-то закончил вечернее отделение технологического института. В последствие у него только официальных было три жены, были и внебрачные дети. Но счастливого семейного очага никогда не было. Карьеру он свою построил через своих же жен. Хоть он и занимал значимые руководящие должности (последняя – заместитель генерального директора ОАО «Резиноптторга» в Москве в 90-ые годы), но со здоровьем были проблемы, проблемы с детьми, проблемы с алкоголем и как неизбежность – довольно ранняя смерть от сердечной недостаточности по пути на работу (перепрыгивал лужу).

Но вернемся к Игнату. Хотя он и был внешне видным подростком и на него активно обращали внимание и взрослые, и особенно одноклассницы, но, конечно, он уступал своему брату по популярности. И эту самую популярность всеми возможными способами пытался «педалировать», т.е. реализовывать то самое социальное доминирование через эмоциональную форму. Тем более что поле такого доминирования в школе было обширное, а его данные позволяли это поле активно использовать. У Игната были очень хорошие вокальные данные, приятный баритон, практически абсолютный слух, хорошие актерские данные, а также эмоциональная наполненность всего его внутреннего мира. Он активно занимался и художественной самодеятельностью в театральном кружке (главные, естественно, роли), в секции «Умелые руки» в местном Дворце пионеров изготавливал модель автоматов по продаже карандашей, занимался в секции баскетбола в Детской спортивной школе. При этом он постоянно рассказывал всегда всем новые анекдоты (и даже все их записывал в отдельной записной книжечке, чтобы не забыть), приносил экзотические безделушки, что привозил из Москвы, куда ездил к своим двум тетушкам по материнской линии. Бравировал модной одеждой, тоже из Москвы. И, конечно же, демонстративно дружил с самыми на то время видными одноклассниками (у кого родители были в длительных заграничных командировках) и модно одевавшимися одноклассницами (у кого родители имели доступ к дефициту – например, работая проводниками скоростного поезда Ярославль-Москва, в современной терминологии – были «доставалки»). Издержками такой активности было фактическое отставание в освоение школьной программы и трудности поступления даже на вечернее отделение местного технологического вуза. Далее было стандартное восхождение по общественной иерархической лестнице в качестве комсомольского активиста, руководителя студенческих агитбригад, не освобожденного партийного функционера (председателя парткома), генерального директора Ярославского проектного института «Резиноасбопроект», и даже попыткой баллотироваться в депутаты Государственной Думы Ярославской области в 2000 г. (не удачной, правда). При этом практика социального

доминирования со временем никуда не делась у него. Так он участвовал как тамада во всех семейных значимых торжествах всех сотрудников возглавляемого им института (похороны, свадьбы, юбилей и т.п.), активно и с энтузиазмом помогал всем, кто приходил к нему как директору и просто как товарищу с просьбой помочь или что-то достать. Здесь тоже не обошлось без издержек – подорванное регулярными банкетам с большим количеством алкоголя здоровье, проблемы в семейных отношениях, запущенное воспитание единственной дочери, которая осталась с ребенком без мужа. Но зато были полезные связи, финансовое благополучие, моральное удовлетворение от чувства своей значимости и востребованности. Но вот как раз последнее чувство-то с годами все более притуплилось у Игната, несмотря на то, что он оставался после пенсионного возраста в штате сразу в нескольких организациях, при этом на ведущих должностях как специалист по строительству и эксплуатации зданий и сооружений. Но самым интересным для него занятием все же стало общение с единственным его школьным другом, жизнь фактическая которого ему была неизвестна как по доступности информации, так и по непониманию тех мировоззренческих канонов, по которым его одноклассник жил всегда. Тот одноклассник жил в Москве, достаточно скромно и по должностям, и по доходам. При этом он никому не завидовал, никого никогда не «грузил» просьбами, и о себе почти ничего не рассказывал. Т.е. был идеальным слушателем, кому можно излить душу. В иерархическом понимании такой одноклассник Игната являлся в своем коллективе рабочем неформальным лидером, или в современной терминологии – «смотрящим». Его-то Игнат в итоге большой своей прожитой жизни и считал наиболее достойным своего внимания. Одноклассник же ценил Игната как живую память о своей молодости в Ярославле, а также ценил его как личность с ярко выраженной харизмой. Жалеть, правда, он Игната не жалел особенно, считая, что у того просто другого выбора по жизни не было. Все же остальное и все же остальные, как Игнат выражался иногда, было, по его мнению, не настоящим и не настоящими. Это еще одна добавка к издержкам от навязанной Игнату жизнью перманентной практики социального доминирования - везде и во всем. Естественно, ни о семейном, ни о личном счастье в итоге, в этих условиях уже говорить не приходится. Ну, а поскольку семенная и личная жизнь у него не «заладилась», то об особенных успехах в его руководящей биографии говорить тоже проблематично. Конечно, сложные условия перестройки не дают возможности объективно оценить его личный вклад в развитие, а то и вообще выживания «Резиноасбопроекта», однако, его часто проявляющаяся консервативность, порой однобокость, а то и явная предвзятость в оценках своего прошлого, а также в поступках текущего времени, заставляют сильно усомниться в его инновационном потенциале, в свое время реализуемом на посту генерального директора.

Но обратимся теперь к антиподу Игната, также учившемуся с ним в одном классе той же школы № 4 г. Ярославля. Назовем его Павлом. И начнем описание его биографии с конца. Умер Павел совсем недавно от коронавирусной пневмонии [13]. До недавнего же времени он занимал должность сначала первого заместителя, а потом и вице-губернатора при главе региона Анатолии Лисицине. Тогда, с 2000 по 2006 г., он курировал высшую школу и силовые структуры региона, всю кадровую политику в региональном «Белом доме», а в самое же последнее время перед своей кончиной - работал профессором, имел ученую степень кандидата психологических наук, занимал должность директора им же организованного института филологии в Педагогическом университете имени Ушинского. Ему было 72 года.

Павел с Игнатом всегда дружили, с самой школьной скамьи до последнего времени. Но общего между ними почти ничего не было, разве только примерно равный статус в иерархии ярославской управленческой элиты. Павел рос в абсолютно благополучной семье, также имел брата, но младшего. Родители его были служащими, точнее – преподавателями вуза в Ярославле. Бабушка, же, к которой Павел был очень привязан, была даже орденоносцем, была награждена орденом Ленина за образовательную деятельность в школе. Семья, в которой он вырос, была однозначно счастливая, обеспеченная материально и во всех отношениях благополучна. Поэтому какое-либо социальное доминирование для Павла было чуждо. Он рос спокойным, в меру общительным подростком, но чаще проводил время свободное в основном в одиночестве. В школе в 7-ом классе он серьезно заболел крупозным воспалением легких и поэтому вынужден был остаться на второй год. После окончания школы поступил в Ярославский педагогический институт на историко-филологический факультет, а закончив его – в аспирантуру на кафедру психологии этого же института. Вплоть до этого этапа его биографии основную роль сыграли его родители, которые работали преподавателями этого института и смогли подсказать правильный выбор как в поступлении в институт, так и в аспирантуру. Но дальше в его жизни сыграли роль уже другие люди и другие обстоятельства, без которых его карьера такая успешная едва ли была реализована. Дело в том, что после защиты Павлом кандидатской диссертации по психологии, его научный руководитель, В.Д. Шадриков [18] становится ректором Ярославского педагогического института, а сам Павел, не без поддержки последнего – становится первым проректором. Но это еще не все. Когда в 1985 г. Шадрикова переводят в Москву на должность заместителя Министра образования, Павел становится ректором того самого Пединститута. Но если Павла поддерживал и «прикрывал» Шадриков, но самого Шадрикова, несомненно, поддерживал уже А.Н. Яковлев [11]. Хотя достоверных сведений о такой «связке» нет, но есть факты. Во-первых, Яковлев учился в средней школе в поселке Красные Ткачи в Карабихинском районе Ярославской области. Во-вторых, окончил тот же самый исторический факультет Пединститута в 1946 г. Далее, - с 1950 по 1953 г. работал заведующим отделом школ и высших учебных заведений Ярославского обкома КПСС. До своей почетной ссылки послом в Канаду он часто бывал в Ярославле, исполняя обязанности заведующего отделом пропаганды в ЦК КПСС, и знал многих в Ярославле, в том числе, видимо и Шадрикова, и, возможно, родителей Павла. И именно в 1985 г. Яковлева Горбачев вернул на работу заведующим отделом пропаганды в ЦК КПСС. И в этом же году произошло назначение Шадрикова в Москву. Едва ли это совпадение.

Далее карьера Павла пошла еще стремительнее, и уж всего вероятнее не без поддержки самого А.Н. Яковлева, за которым закрепились титулы "архитектора перестройки" и "отца гласности". В 1989 г. Павла избирают секретарем по идеологии Ярославского обкома КПСС, откуда он, проработав там два года, уже переходит советником вновь избранного губернатора Анатолия Лисицына. А потом - должность первого заместителя губернатора, а вслед за ней и должность вице-губернатора. Это пока все карьера. А что внутри личности Павла? Об этом можно только догадываться, поскольку кроме Игната тот ни с кем из своих одноклассников не общался, более того, даже встречая на улице в Ярославле кого-то из них – демонстративно не здоровался, хотя со многими из них сидел за одной партой в школе. Ну, а уж насколько эффективной была его инновационная деятельность на высоких руководящих должностях в администрации губернатора – может рассудить, видимо, только время. А вот его

деятельность на ниве образования – несомненно, была и востребована обществом, и приносила ему самому большое удовлетворение.

Литература

1. Авдокушин Е.Ф., Иванова В.Н. Инклюзивное развитие: основные направления, базовые предпосылки и возможные ограничения // Вопросы новой экономики. 2014. № 3. С. 4-13.
2. Александровский Ю. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Наука и жизнь. 2008. № 1. С. 36-40.
3. Анкеты выпускников Ярославской средней общеобразовательной школы № 4 с углубленным изучением английского языка им. Н.А. Некрасова. – Электронный архив Оргкомитета по подготовке 80-го юбилея школы № 4. Ярославль. 2016 г.
4. Белоконов С.Ю., Дудин М.Н., Хоконов А.А. Влияние совместного потребления и сетевых информационных технологий на социальные процессы // Экономика, предпринимательство и право. – 2019. – Том 9. – № 4. – С. 445-462. doi: 10.18334/err.9.4.41481.
5. Иванов А.А., Иванова В.Н. Истоки, структура и функции социальных связей в инновационной деятельности // Философия хозяйства. 2018. № 3 (117). С. 230-244.
6. Иванова В.Н., Колтуновский К.И. Воздействие цифровой экономики на инновационные риски в традиционных отраслях и в сфере совместного потребления // Управление финансовыми рисками. 2020. № 3 (63). С. 200-209.
7. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. Пер. с англ. М.Р. Гинзбург. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
9. Школа № 4: 80 лет мастерства, труда и творчества! // Комсомольская правда. Ярославль. 01.12.2016 г. С.8-9.
10. Авторитарная личность: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Authoritarian_personality (дата обращения: 20.12.2020).
11. Александр Николаевич Яковлев. Биографическая справка: [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20101018/285916155.html> (дата обращения: 24.12.2020).
12. Дмитрий Медведев вывел формулу инклюзивного развития экономики Азиатско-Тихоокеанского региона: [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/126201.php> (дата обращения: 08.03.2021).
13. «Не укладывается в сознании»: в Ярославле скончался профессор педагогического университета: [Электронный ресурс]. URL: <https://76.ru/text/gorod/2020/05/02/69239017/> (дата обращения: 23.07.2021).
14. «Не хочу работать, буду домохозяйкой»: чем опасна для женщин такая мечта: [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/life_miracle/ne-hochu-rabotat-budu-domohoziaikoi-chem-opasna-dlia-jenscin-takaia-mechta-60068c3d94dcdbd4ea6fc053a (дата обращения: 05.02.2021).
15. Правый авторитаризм: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Right-wing_authoritarianism (дата обращения: 08.09.2020).
16. Серёгина В. В., Середина М. Н. Современные тенденции развития экономики совместного потребления (шеринг-экономики) в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 11 (ноябрь). – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2019/194060.htm>.
17. Теория социального доминирования: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Social_dominance_theory (дата обращения: 20.12.2020).
18. Шадриков Владимир Дмитриевич: [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/27157/ (дата обращения: 24.12.2020).